

Pospíšil, Ivo

Болдинские чтения: Пушкин и современный мир

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2005, vol. 54, iss. X8, pp. 180-182

ISBN 80-210-3691-5

ISSN 1212-1509

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/103283>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ohlédnout se diachronním pohledem (pokud to u ještě přibližně živých věcí vůbec jde) na minulost a „obeznat“ ji z více stran, aby mohl vzniknout alespoň náčrt charakteru století. Nikoli z nostalgie či povinnosti, nýbrž z nutnosti dát mladým vědcům i tvůrcům k dispozici analýzu pozitivních a negativních jevů, které z jednotlivostí skládají mozaiku poučení pro budoucnost. Její neznalost není k nové tvorbě nutná, ale často se vymstí návratem k problémům, jichž se literatura mohla varovat. A nejen literatura.

Ludvík Štěpán

БОЛДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: ПУШКИН И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Болдинские чтения. Редколлегия: Ю. А. Жулин, Г. В. Краснов, Г. В. Москвичева, С. А. Фомичев, Н. М. Фортунатов (отв. редактор). Министерство культуры правительства Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино“. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород 2003.

Интерес к Пушкину в мировом литературоведении постоянный и еще усиливается в период его годовщин, в последний раз в 1999 г. Некоторые черты поэта будто бы обыкновенные, некоторые, напротив, кажутся уникальными. К ним, безусловно, относится осень 1830 г. и с нею связанный творческий подъем, по традиции называемый „болдинской осенью“. Литературоведы Нижегородской области – Университета им. Лобачевского, Музея-заповедника А. С. Пушкина Болдино и государственные органы уделяют пристальное внимание изучению творчества Пушкина в целом, в особенности, однако, этого плодотворного осеннего периода, по количеству и качеству артефактов не имеющего, на наш взгляд, конкуренции во всем мире.

Первый раздел посвящается теме *Пушкин и мир*. Анализ культурных событий, связанных с открытием памятника Пушкину в Москве в 1880 г., представляет собой первая статья Л. Г. Фризмана *Пушкин 1880 года*. В отличие от преобладающего мнения об исключительности выступления Достоевского как символического призыва к примирению и единению славянофилов и западников, автор анализирует весь контекст торжества и другие доклады разных деятелей культуры, в том числе И. С. Тургенева, А. Островского и Н. Некрасова. Видение Достоевским Пушкина считается субъективным. В связи с поэмой *Цыганы* показывается, что Алеко Достоевского слишком далек от Алеко Пушкина – но это, на наш взгляд, совсем не так. Творчество Пушкина многостороннее, полифоничное, в нем, на самом деле, находятся разные, зачастую резко противоречивые морфологические и идеологические пласты (см. далее статью Б. Бялокозовича). Речь Достоевского представляется нам как одна из приемлемых интерпретаций не только *Цыган*, но и творчества Пушкина в целом, как синтетизирующего, вырастающего из нескольких корней, европейских и автономно русских. Их использование в атмосфере необходимости российского единения кажется нам отнюдь не произвольным, натянутым, субъективным, предназначенным для определенной цели, скорее исходящим из естественного состояния дела.

Интересными вопросами занимается в статье *Пушкин в восприятии И. А. Бодуэна де Куртенэ* известный польский русист Бялокозович (В. Białokozowicz). Он показывает роль гениального лингвиста в процессе восприятия польской читательской публикой творчества Пушкина, даже его антипольских проявлений в сложное время русификации российской части разделенного Польского королевства. Автор не избегает и деликатных вопросов польско-русских политических и культурных отношений. Несмотря на все сложности и естественную польскую народную ненависть ко всему русскому и отрицательное отношение части польской интеллигенции, автор подчеркивает роль некоторых польских интеллектуалов, в том числе Бодуэна де Куртенэ, в процессе восприятия русской культуры в целом и наследия Пушкина в особенности.

Оригинально подошел к „маленьким трагедиям“ Пушкина болгарский русист Людмил Димитров в статье *Маленькие трагедии Пушкина как русская драматизация европейской культурной истории*. Хотя мы не полностью согласны со слишком прямолинейной концепцией пресловутого пушкинского пьеса как своего рода иллюстрации европейской культурной истории, многое из сказанного исследователем, на наш взгляд, оправдано, в том числе и известная „новая периодизация“ русской литературы В. Кожина. Кажется, что еще творчество Пушкина было одним из последних синтетических шагов в процессе освоения Россией европейского наследия в смысле лозунга „догнать и обогнать“. Это ведь чувствовали такие деятели, как Н. М. Карамзин и А. Н. Радищев еще в допушкинский период. В смысле концепции Ю. Дружникова (Юрий Дружников: Книги и судьба. Рекомендательный библиографический указатель. Ульяновская областная библиотека для детей и юношества. Библиографический отдел. Ульяновск 2002. Юрий Дружников: Узник России. По следам неизвестного Пушкина. Роман-исследование. Трилогия. „Голос-Пресс“, Москва 2003. См. нашу рецензию: *Slavica Litteraria*, X 7, 2004, s. 156–157) автор воспринимает пьесы как своего рода „дискурс его изгнаниячества“. Авторская концепция косвенным образом подтверждает модель развития русской литературы В. Кожина, т. е. в морфологии „маленьких трагедий“ отражаются жанры европейского средневековья и ренессанса, в том числе мистерии, мираклии, моралите и фэблио. *Скупой рыцарь* понимается здесь как перевернутый вариант притчи о Блудном сыне. Концепция перевернутых жанров, их модификаций и инноваций, восходящая к семиотике и герменевтике и позже к теории палимпсеста подчеркивает, одновременно, и ключевую роль читательского восприятия, т. е. процесс коннотации. Чешский русист Кветуше Лепилова в статье *А. С. Пушкин как символ русской культуры* анализирует новое чешское восприятие личности Пушкина как своего рода символа русской культуры в целом, возвращаясь к истокам, коренящим в 19 веке.

Раздел *Творческие параллели* содержит статьи, основанные на сравнительном подходе, главным образом на исторически конкретном контакте двух личностей и их текстов. Таким образом А. В. Кулагин (Коломна) сравнивает отношение Пушкина к известному корреспонденту Ивана Грозного князю Андрею Курбскому как политическому деятелю и идеологу и пишет о его роли в творчестве Пушкина, преимущественно в трагедии *Борис Годунов*. Связь Пушкина и западноевропейских романтиков бросается в глаза, в том числе и его отношение к Вальтеру Скотту. Обычно подчеркивается роль известного автора исторических романов к пушкинской *Капитанской дочке*, однако автор статьи *Пушкин и Вальтер Скотт* Э. М. Жиякова (Томск) указывает на связь пушкинской *Полтавы* и поэмы известного шотландца *Мармион, повесть о битве при Флоддене в шести песнях* (Marmion. A Tale of Flodden Field, in six Cantos, 1808). Творчество русского поэта, таким образом, представлено как интертекст, метатекст и квазиметатекст в духе деконструктивистских и постмодернистских концепций. Я не против такого подхода, хотя не склонен абсолютизировать его значение – все-таки, он показывает артефакт с другой, непривычной стороны, проникая под поверхность его поэтики – и это – по крайней мере – полезно.

В статье *Trias poetarum* итальянский русист Стефано Алоэ демонстрирует связь Пушкина и его восприятие В. Кюхельбекером. Л. Ф. Киселева (Москва) в статье *Открытые и скрытые авторские лики Пушкина в разных жанрах* открывает перед читателем роль случая и внезапного поворота лиц и событий, его „вдруг“. Внутренней пружиной логики много- и разнообразных жанрово-стилевых пушкинских переходов является, по автору статьи, неуловимая эманация образа автора, смена повествовательных ликов перед читателями и героями. Л. А. Казакова обращает внимание на пушкинское своеобразное продолжение иронической традиции (*Граф Нулин*) – жаль, что она не упоминает существенный труд чешского слависта Карла Крейчи (К. Крејќи: *Heroikomika v básnictví Slovanů, Praha 1964*). Интересно сравнение И. С. Юхнова (Нижний Новгород) двух стихотворений Пушкина и Лермонтова о светском обществе и роли поэта в нем – подобно как и сравнительный анализ М. А. Александрова (Нижний Новгород) об онегинских аллюзиях у И. С. Тургенева.

В разделе *Культурология. Процессы творчества* В. А. Фортунатова (Нижний Новгород) пишет о так называемой пушкинской мыслеформе и Наталья Теплова (Канада) о переводе

V. Набоковым *Евгения Онегина*. На грани музыковедения и литературоведения находятся две статьи в разделе *Пушкин и музыка*, авторами которых являются О. В. Соколов (Ниžний Новгород) а З. Н. Сазонова (Владимир).

Раздел *Поэтика. Интерпретация текстов* сосредоточивается на анализе конкретных пушкинских произведений, в том числе *Повестей Белкина*, *Капитанской дочки*, *Евгения Онегина* и *Бахчисарайского фонтана*. Наиболее существенны и новы статьи из разделов *Музейное дело. Вопросы краеведения и Пушкиниана*. В первом разделе Ю. И. Левина (Санкт-Петербург) возвращается к первым шагам традиции Болдинских чтений и М. М. Хорев (Ниžний Новгород) к материалу пресловутой осени 1830 года, когда Пушкин ездил к княгине Голицыной. Автор статьи решает вопрос о тождестве этого лица. Информацией Ирены Рудзевич о библиографии *Пушкин в Польше 1976–2000*, Малгоржаты Стахурки (Польша) об исследовании Пушкина в польском Олштыне и коллективным трудом Н. М. Фортунатова, П. Р. Стронгина и А. М. Власова о Пушкине в интернете сборник заканчивается.

Есть, по-моему, два значения Болдинских чтений в общем и настоящего тома в особенности – это методологические сдвиги и краеведческий (регионалистический) аспект, что естественно присуще болдинской и, шире, нижегородской местности. Методологический раздел нуждается в более широком кругозоре литературы, краеведческий, может быть, в более широких европейских и других контекстах. Это, однако, как мне кажется, еще впереди.

Иво Постишић

SLOVENSKÝ ZÁJEM O ČERNOU HORU

Ján Jankovič: *Preklady básne Onamo, onamo! – Súčasť slovenského záujmu o Čiernu Horu a Čiernohorcov*, vydavateľstvá Jaga, Bratislava 2004, 139 s.

Po dvou rozsáhlých svazcích o pronikání a recepci charvátské literatury na Slovensku, které dr. Ján Jankovič v posledních letech vydal, přichází nyní se zdánlivě „délším“ a kratším příspěvkem (ovšem bohužel se zbytečně dlouhým názvem!) o zájmu slovenské kulturní společnosti o Černou Horu.

Stejně jako byl zájem o charvátskou (resp. srbskou, ruskou, bulharskou či slovinskou) literaturu, také zájem o černohorskou literární a lidově slovesnou tvorbu byl v období národního obrození i v letech mezi dvěma světovými válkami součástí zájmu o slovanské národy.

V období národního obrození slovanských národů se mohla slovenská i česká společnost důkladněji seznámit s mnoha stránkami z dějin, jazyka, literatury a lidové slovesnosti jižních Slovanů. Pokud jde o Černohorce, první spolehlivější informace jim poskytoval V. St. Karadžić spiskem *Monenegro und Montenegriner* (1837), který v Muzejnku recenzoval P. J. Šafárik. Ve své recenzi Šafárik vyjádřil svou lásku k Černé Hoře a Černohorcům jako k odvážným obráncům své volnosti. Doporučoval dokonce vydat knížku česky nebo přeložit z ní aspoň úryvky.

Autor se sice zmiňuje o ojedinělých překladech z jihoslovanského písemnictví již v první polovině 19. století, v předkládané práci však poznamenává, že *sústrédime sa na obdobie 1876–1912, keď v troch rozličných periodikách vyšli tri preklady básne Onamo, onamo! od troch rozličných prekladateľov*. Svoje výklady, odborně zasvěcené, a podrobné analýzy překladů Jankovič bohatě doložil jak originály Njegošovy básně, tak také jejími překlady a dobovým obrazovým materiálem, který velmi dobře ilustruje vztah Slováků k Černé Hoře a jejímu lidu. Vhodné je i zařazení textů slovenských autorů. Podává celistvější obraz vzájemných vztahů.

Jako červená niť se Jankovičovým textem táhne základní myšlenka, kterou sledovali překladatelé básně *Onamo, onamo!* do slovenštiny – zapojit Njegošovu báseň do slovenského národního emancipačního zápasu. A to je významně konstatování, které platí také pro překladatele jiných slovanských i neslovanských textů do jiných jazyků.

Mají-li ovšem vystoupit *do popredia slovensko-černohorské, a širšie aj slovensko-juhoslovenské vzťahy*, pak měl autor přihlédnout k tomu, jaký byl vztah různých vrstev české společnosti k Černé Hoře a k jižním Slovanům (i ke Slovanům vůbec). Je nesporné, že slovenští literáti, pře-